

В дальнейшем процессе языкового освоения мира гештальтная система какого-либо концепта начинает порождать новые гештальты и, вместе с тем, «заставляет обновляться» те кванты знания (термин В. И. Карасика (Карасик 2009)), которые содержатся в прежних гештальтах. При этом, если рассматривать процесс языкового освоения действительности с неогумбольдтианской точки зрения, граница между языковыми и концептуальными структурами становится практически прозрачной, и разница между языковыми и концептуальными структурами практически нивелируется (Баранов, Добровольский 1990).

Й. Л. Вайсгербер показал, что подобные рассуждения о соотношениях языковой и концептуальной структур допустимы (Weisgerber 1973), а также то, что системы гештальтов какого-либо концепта (например, системы языковой образности или языковой символики) допустимо представлять в виде фреймовых структур. Соответственно, можно представить всю гештальтную систему в виде единой фреймовой структуры, поскольку, как утверждает Ю. Н. Караулов, «возможность объединения фреймов в сеть снимает ограничение и на длину текста» (Караулов 2013), т. е., в единую фреймовую структуру возможно объединять и достаточно «большие» гештальтные системы. При этом полученная система также будет являться аутопозной, поскольку фреймовая структура складывается из систем некоторого числа гештальтов, но и гештальты, в свою очередь, поддерживаются за счет появления новых концептуальных единиц в данной фреймовой структуре.

Большинство т. н. «символических форм языка» являются именно аутопозными образованиями. Примерами могут служить различные виды языковой символики, языковая образность и дескриптивная лексика, концептуальные ме-

тафоры, вербализующиеся в различных типах дискурса.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что явление аутопозиса может проявляться не только в живых системах в традиционном понимании этого термина, но и в системах различных структур знания, таких, например, как концепты и соответствующие гештальты. Этот факт может послужить еще одним подтверждением т. н. «биологической реальности языка» и изучению языка с биологической точки зрения.

Goertzel B. 1996. From Complexity to Creativity. Computational Models of Evolutionary, Autopoietic and Cognitive Dynamics. New York: Plenum Press.

Maturana H. R. 1981. Autopoiesis // Autopoiesis: A theory of living organization. New York: North Holland.

Maturana H. R., Varela F. J. 1980. Autopoiesis: the organization of the living // Maturana H. R., Varela F. J. Autopoiesis and Cognition. Boston: Riedel Publishing Co.

Weisgerber L. 1973. Zweimal Sprache: Deutsche Linguistik 1973 — Energetische Sprachwissenschaft. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. 1990. Лео Вайсгербер в когнитивной перспективе. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 49, № 5. М.: АН СССР, 451—458.

Карасик В. И. 2009. Языковые ключи. М.: Гнозис.

Караулов Ю. Н. 2013. Русский язык и языковая личность. Изд. 8-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Лавренчук Е. А. 2011. Аутопозис. [Электронный ресурс]. URL: <http://vox-journal.org/content/Vox11-Lavrenchuk-Au.pdf>. (дата обращения 15.12.13).

Лакофф Дж. 1981. Лингвистические гештальты. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. М.: «Прогресс».

Мартынюк А. П. 2010. Опыт модусного моделирования концепта (на примере концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ, актуализированного в англоязычном газетном дискурсе). [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no1—2010/martynuk-a-p>. (дата обращения: 15.12.13).

Матурана У. Р., Варела Ф. Х. 2001. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция.

Чернейко Л. О., Долинский В. А. 1996. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 6. М.: МГУ, 20—41.

МЕТОДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ С ПОМОЩЬЮ ЭЭГ ЛИЦ, РАНЕЕ ПРЕДЪЯВЛЕННЫХ В ЭМОЦИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОМ КОНТЕКСТЕ

И. Е. Кануников, Д. А. Фомичева
igorkan@mail.ru, hromatica@gmail.com
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Работа посвящена исследованию электроэнцефалографических реакций мозга в ответ на предъявление лиц, которые ранее предъявлялись испытуемому в эмоционально-отрицательном контексте. Схема эксперимента такова, что первоначально испытуемому показывают 2-минутный эмоционально отрицательный видеofilm криминального содержания со сценой насилия

(Bindemann et al. 2012, Lefebvre et al. 2009). В видеофильме участвуют жертва, преступник и свидетель. После просмотра этого видеофильма испытуемому предъявляются эти же лица, но запечатленные с нейтральным выражением лица. В целях контроля предъявляются также три изображения лиц, которые не имеют никакого отношения к видеофильму (филеры). В результате испытуемому предъявляется 6 лиц (три — из фильма и три незнакомых), каждое лицо предъявляется 70 раз, чтобы можно было зарегистрировать вызванные потенциалы. Всего предъявля-

лось 420 стимулов. Во время опыта испытуемого просили нажимать на кнопку в том случае, когда предъявленное лицо было ему знакомым.

Проведенные в настоящем эксперименте сопоставления вызванных потенциалов на разные лица позволили обнаружить следующие значимые различия.

Компонент P200 имел более высокую амплитуду у категории «преступник» по отношению к категории «жертва» в височных и затылочных отведениях. При этом наибольшие различия наблюдались в правом полушарии.

Следует подчеркнуть, что достоверной разницы в амплитуде компонента P100 и N170 и их латентных периодов в теменном отведении обнаружено не было.

Таким образом, в результате усреднения вызванных ответов всей группы испытуемых мы получили данные о том, что при восприятии лица преступника по сравнению с другими лицами на видео амплитуда пиков P100 и N170 практически не отличалась, в то время как компонент P200 имел большую амплитуду в ответ на изображение лица преступника, по сравнению с другими стимулами. Его амплитуда достоверно превышала амплитуду этого же компонента ВП на другие лица. Особенно это было выражено в отведении Т6 височной области коры. Во фронтальных отведениях никаких значимых различий не наблюдалось. Эти результаты подтверждают литературные данные, согласно которым амплитуда P200 на лица, выражающие эмоцию страха больше, чем на нейтральные лица (Hirai et al. 2008). Характерно, что различия были максимальными в правом полушарии, которое, согласно литературным данным, тесно связано с отрицательными эмоциями. Наши результаты в отношении

компонента N170 не подтвердили известные литературные данные. Одно из объяснений состоит в том, что в наших экспериментах лица были нейтральные, т.е. различий в выражении лица не существовало. В сущности, мы исследовали эффект прайминга, в качестве которого выступал видеofilm. Иными словами, различия в ВП объяснялись разным эмоциональным отношением испытуемого к предъявляемым лицам. В случае преступника — это страх, в случае жертвы — это боязнь или сопереживание.

Лица, которые испытуемый наблюдал в видеоролике, находились в ситуации чрезвычайно сильного эмоционального состояния. Это переживание, естественно, передавалось и испытуемому. С другой стороны, все шесть лиц, предъявляемые в ЭЭГ части эксперимента, имеют нейтральное выражение и формально не могут быть распознаны на основании эмоциональных различий в выражении лица. Остается предположить, что память о событиях, произошедших в видеоролике, влияет на восприятие лиц и позволяет получить определенные различия между электрофизиологическими ответами.

Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ № 0.38.518.2013 «Когнитивные механизмы преодоления информационной многозначности»

Bindemann M., Brown C., Koyas T., Russ A. 2012. Individual differences in face identification predict eyewitness accuracy. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition* 1, 96–103.

Hirai M., Watanabe S., Honda Y., Miki K., Kakigi R. 2008. Emotional object and scene stimuli modulate subsequent face processing: an event-related potential study. *Brain Research Bulletin* 77, 264–273.

Lefebvre C.D., Marchand Y., Smith S.M., Connolly J.F. 2009. Use of event-related brain potentials (ERPs) to assess eyewitness accuracy and deception. *International Journal of Psychophysiology* 73, 218–225.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

**А. П. Капустина, Ю. А. Карпова,
М. Н. Кривошапова, М. А. Шапгилей**
*a.kapustina@exiclub.ru, j.karpova@exiclub.ru,
krivmn@gmail.com, shaptileym@gmail.com*
ООО «Экзиклуб», Центр научного
исследования здоровья (Санкт-Петербург)

Наиболее часто используемым синонимом термина счастья в научной литературе является термин субъективное благополучие (subjective well-being). В поиске ответа на вопрос, какое место состояние благополучия занимает в общем континууме эмоциональных состояний, нейрофизиолог Р. Дэвидсон сосредоточил свое внимание на таком параметре эмоций, как их

индивидуальность и высокая внутривидовая неоднородность (Davidson 2001). По отношению к данной эмоциональной индивидуальности было введено понятие «эмоциональный стиль» («affective style»), он может быть как позитивного, так и негативного характера. Формирование эмоционального стиля охватывает широкий спектр процессов, которые в своем сочетании формируют ответ человека на эмоциональные воздействия, регулируют настроение и сопряженные с эмоциями когнитивные процессы. Важным аспектом здесь является, появившаяся в ходе эволюции у человека возможность добровольного эмоционального регулирования (ЭР), наряду с автоматическим ЭР, основанном